Дэниел, вероятно, пришёл с мыслью просто быстро помириться и закрыть вопрос, чтобы не раздувать конфликт. Но для Алека эта пауза между ними значила куда больше, чем он ожидал. Настолько, что его буквально выворачивало от того, что Дэниел спокойно пошёл в дьюти-фри на следующий день после ссоры.

Он не привык отдавать контроль. Возможно, дело было не только в интересе. Это уже начинало походить на головную боль. Слово «безответная любовь» не существовало в его словаре.

— Ладно. В любом случае, прости и за это тоже.

— Я понимаю, что оставшиеся двадцать процентов ответственности на мне. Я не был полностью невиновен в том, что ты сказал в больнице. За проверку биографии тоже извиняюсь. И во время сезона больше не буду появляться так, как сегодня.

— Хорошо. Я тоже принимаю извинения. По крайней мере, насчёт проверки биографии… и Джошуа — надеюсь, такого больше не повторится.

— Учту.

Алек заметил, как взгляд Дэниела оценивает его искренность. Его, похоже, задело, что он не сказал «этого больше не будет», а выбрал расплывчатую формулировку, но он не стал придираться.

— Ты, наверное, уже знаешь, но мой менеджер наделал проблем. Я его уволил, так что всё в порядке.

— Ты отказался от перехода в Ferrari?

— Я изначально не собирался. И подожди.

Сказав это, Дэниел внезапно огляделся. Сначала он осмотрел консоль и стол, затем проверил чемодан, который таскал с собой.

Он даже открыл дверцу шкафа, а потом, задумавшись, как будто что-то понял, подошёл к мусорному ведру у кровати.

То, что он достал, было незнакомым пакетом из магазина. Проверив, нет ли пятен или пыли, он отряхнул его и протянул Алеку. С немного неловким видом, будто сам осознавал, откуда только что это вынул.

— Возьми это. Было как-то странно извиняться с пустыми руками, поэтому я купил.

— …Ты сейчас это из мусорки достал?

— Вчера это было мусоркой, потому что я туда выбросил мусор. Сегодня это подарочная коробка, потому что я туда положил подарок.

— Ты просто упрямый.

— Просто открой.

Его лицо, торопящее его, было слегка покрасневшим.

Пакет из магазина был помят, словно его долго носили с собой, но содержимое оставалось в

идеальном состоянии — ни единой пылинки.

Кожаный футляр из козьей кожи был знакомой квадратной формы. Более толстый и массивный, чем футляр для прямоугольных часов. Знакомый бренд. Алек понимал, что даже такой «простой подарок» стоил довольно дорого.

Когда он открыл его, слегка тёмно-синие линзы, контрастирующие со светлым золотистым ободком оправы, засияли, будто приветствуя своего владельца.

Солнцезащитные очки не отличались особенно броским дизайном, но именно это делало их качество ещё более очевидным — настолько, что любой получивший их человек был бы благодарен. Иными словами, это был универсальный подарок, подходящий каждому.

И потому Алек ясно видел, сколько усилий вложил в выбор Дэниел Линдберг, более внимательный, чем могло показаться. Он не просто «что-то купил», а тщательно продумал вкус получателя, не ставя на первое место собственные предпочтения. В конце концов, он не умел делать что-либо вполсилы.

— Потому что я часто вижу тебя в таких.

— …

И одновременно его настигло запоздалое осознание.

О чём думал Дэниел, спокойно зайдя в дьюти-фри аэропорта на следующий день после их ссоры. Для чего были бесконечные разговоры Мики о пакете Дэниела из магазина и для кого всё это было предназначено. Словно неправильно вставленный кусок пазла наконец занял своё место.

Алека охватил ужас. Как он мог быть таким глупым? Сейчас было не время жаловаться на то, что Дэниел невероятно горд. Он сам оказался ещё упрямее и глупее. Неужели он был словно одержим всё это время? Осознав свою поразительную ошибку, он тихо выдохнул, почти с восхищением. Противник в тени, которого он всё это время «добивал», был не кто иной, как он сам.

— Ты случайно… не спрашивал об этом? Какой у меня любимый цвет?

— Эм… если подумать, порядок немного перепутался. Да. Когда я выбирал подарок, я понял, что почти ничего не знаю о тебе.

— …

— Это неловко. В общем… возможно, тебе не понравится, но…

— Мне нравится.

Это был вердикт, который он мог только принять. Алек почувствовал пустоту, словно адвокат, отказавшийся от апелляции и опустивший руки, но это чувство было далеко от печали — наоборот, он рассмеялся.

Как он и сказал, сколько людей действительно знали его так, как Дэниел Линдберг, и сколько раз он вообще получал подарок, который попадал в самый вкус?

И при этом — это ощущение счастья, от которого хотелось взлететь.

Будто он шёл по облакам.

Тщательно выстроенная башня Алека не рухнула в тумане. Напротив — он сам наклонился, как Пизанская башня. От одного слова Дэниела Линдберга он то смеялся, то раздражался, и, помимо того что становился ребячливым и резким, превращался в человека мелочного, одновременно возбуждённого и холодного. Каждый миг был по-своему безупречен.

Чем ещё это можно было объяснить, кроме того, что он его любит?

Алек признал чувства, которые в нём зрели. Ещё вчера это было похоже на блуждание в тумане, но теперь вокруг всё стало ясным и синим. Всё окрашивалось в любимый оттенок — потому что у него на переносице были подаренные очки.

Он больше не мог удержать преимущество. Он проигрывал просто потому, что любил. Когда он вообще успел смириться с тем, что принимает эту формулу, которая рушит его изнутри? Теперь он даже колебался — сможет ли вообще носить этот подарок, настолько он был дорог.

Где-то по пути жёлтый флаг между ними исчез. Сигналы замедления и запрета на обгон отключились, и гонка возобновилась. Победитель всё ещё не определён, но уже ясно, что было потеряно и приобретено.

Человек, который не хотел тратить ни доли времени на поражение, вдруг научился смирению перед формулой, в которой любовь может ранить, но цена поражения — счастье. В мире всё ещё было чему учиться, и Дэниел Линдберг жил именно в таком мире.

— …Мне нравится. Правда нравится.

— Ну и хорошо.

Лицо Дэниела, всё это время следившего за выражением Алека, словно беспокоясь о его реакции, просветлело.

Перед ним стоял человек, который наверняка сейчас будет настаивать, что после примирения их отношения вернулись к формату «пилот, дающий результат, и спонсор». Алек решил позволить себе немного этой приятной эйфории, хотя бы на мгновение.

— Как я и думал. Синий тебе идёт.

Он был прав.

Причина, по которой человек так безрассудно влюбляется в кого-то, до смешного проста.

Кризис был предотвращён. Дэниел, прижимая к груди учащённо бьющееся сердце, почувствовал облегчение.

«Было бы немного странно, если бы подарок, купленный для примирения, стал причиной новой ссоры».

Ему повезло, что мусорное ведро оказалось пустым — он ведь так и не успел им воспользоваться. Дэниел подумал, что хорошо, что подарок, который он выбросил в порыве злости, остался чистым, без единой складки.

К тому же, Алеку подарок, похоже, действительно понравился. Он не только сразу же достал его и примерил, но и в момент, когда спросил, идёт ли ему, в его лице впервые за долгое время мелькнуло что-то похожее на воодушевление.

Этого было достаточно. Дэниел почувствовал, как препятствие между ними рассыпалось, словно разбитые детали LEGO.

Видеть, как другой человек улыбается, приносило облегчение. Словно тяжёлый камень, лежавший у него на груди последние две недели, исчез.

Быстро собрав вещи и подготовившись к выходу, Алек спросил:

— Дэниел, ты обычно завтракаешь?

— Обычно да, но сегодня не успел по времени. А ты, Алек?

— Я чаще пропускаю, но сегодня, кажется, придётся поесть. Я ничего не ел с прошлой ночи.

— И как ты умудрился голодать?

— Ты правда спрашиваешь, как будто не понимаешь?

— …

Он и правда понимал. Алек, который ещё в лаунже отказался от еды и отдал несколько распоряжений своему секретарю, продолжил инструктаж уже по дороге вниз.

Дэниел тоже не терял времени даром: связался с сотрудницей, которая его искала, притворился, что был на утренней тренировке, и попросил передать директору, что задержится.

Дальше ничего особенного не происходило — до тех пор, пока Алек не сказал, что сам отвезёт его на трассу Сильверстоун.

— …Ты сам меня повезёшь? Ты, Алек?

— В чём проблема?

— Да ни в чём, просто…

— Тогда решено. Пошли.

Не было смысла уточнять, серьёзно ли он говорит. Когда Дэниел, всё ещё сомневаясь, последовал за ним, на парковке их ждал красный Porsche.

Через десять минут, пока Алек настраивал навигатор, Дэниел неловко принял сэндвич из Subway и напиток, которые Мартин передал ему через окно. Алек отпустил ручной тормоз и мягко нажал на газ, а Дэниел поспешно пристегнулся. Машина плавно тронулась с места.

— Там два маршрута в навигаторе, какой быстрее?

— По времени они почти одинаковы. Обычно я еду через Нортгемптон. Там дорога прямее, так легче вести. Но… ты правда меня повезёшь?

— О чём ты вообще говоришь? Ты уже в пассажирском кресле. Ты же сам сказал, что не водишь по дорогам общего пользования.

— …Я не говорил, что совсем не вожу.

Алек плавно повернул карбоновый руль.

Пока они выезжали из центра Милтон-Кейнса и на горизонте появлялась знакомая дорога, Дэниел не мог избавиться от растерянности.

Это была трасса, по которой его всегда возил менеджер или он сам. Ещё вчера он ехал по ней с Микой. Но почему она кажется такой чужой только потому, что рядом за рулём сидит другой человек?

http://bllate.org/book/17841/1739233